

мнение

Татьяна Воеводина
**Отменить
олимпиады**

стр 2

анализ ситуации

Юрий Крупнов
**Олимпиада
как зеркало
деградации**

стр 5

манипуляция сознанием

Илья Хаськович
**Брендология и
брендомагия**

стр 7

Точка ру

№4
(40)
2010

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

реанимация истории

Владимир Бакулин

Еще раз о мифотворчестве

Согласно древнегреческой легенде царя Фригии Мидаса бог Дионис наделил способностью превращать в золото все, к чему тот прикасался. Подобной удивительной способностью превращения обладают многие современные российские либералы. Но с одним существенным отличием: чего бы ни коснулись они, то под их воздействием превращается в грязь и навоз. Особенно ярко этот

талант проявляется на ниве отечественной истории. В первую очередь применительно к ее советскому периоду, но порой и за его пределами, в чем нетрудно убедиться, посмотрев, например, лунгинский фильм «Царь». Однако советская эпоха подвергается наиболее свирепым атакам с их стороны по целому ряду причин, на которых мы в данном случае задерживаться не будем (статья – не

книга, чем-то приходится жертвовать).

За последние два десятилетия анафеме и очернению подверглись практически все значимые события и достижения советского периода, почти все (за редчайшим исключением) более или менее видные политические, да и не только политические, деятели предшествующих десятилетий.

стр 4

интернет-конференция

**Сергей Кара-Мурза
о кризисе, экономике
страны, современной
молодежи и т.д. - 5 ч.**

Продолжение интернет-конференции, проведенной сетью порталов vOrle.ru, vTule.ru, GorodLip.ru, vVoronozhe.ru, vKurske.com, vBelgorode.com, vBryanske.com с Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой.

За время конференции было получено около 100 вопросов из многих регионов России: Нижнего Новгорода, Новосибирска, Самары, Перми, Хабаровска и др.

стр 3

общество

Юрий Болдырев
**Как прошлое не
пускает нас в будущее**

Прежде всего, несмотря на общий беспрецедентно неутешительный для нас результат Олимпиады, - поздравления победителям и призерам. Уж они-то точно не виноваты в том, что их коллеги добились меньшего. К этой теме мы еще вернемся, а пока в целом – что у нас происходит?

Из отравившихся от некачественных продуктов детей-инвалидов в Свердловской области двое умерли – как-то это совпало с полной отменой сертификации продуктов питания. Случайно, наверное...

стр 6

культурная экспансия

Николай Коротков

«Аватар» как метод радикальной вестернизации

Оговорюсь сразу, что речь пойдет не о содержании конкретного фильма, не о визуальных красотах или технологических новинках, использованных при его создании, о чем уже написано более чем до-

статочно: самый кассовый фильм всех времен и народов, «ознаменовавший наступление новой эры в кинематографе, сопоставимой с появлением звукового кино» и т.д. и т.п.

Для нас «Аватар» интересен в

первую очередь как ключ к анализу одной эффективнейшей гуманитарной технологии (хай-хьюм), проводником которой является значительная часть голливудской продукции (если не вся она).

стр 8

Татьяна Воеводина

Отменить олимпиады!

Облажались! Ну да, как говорится, не впервой. Зато прокатились за океан, отдохнули в «Русском доме», что, собственно, требовалось и ожидалось. А спортсмены – это так, повод. Вообще в последнее время вся жизнь – это лишь повод. Повод для того, чтобы избранники судьбы – чиновники и «звёзды» – «зажгли» и пропиарились. Остальное – по остаточному принципу.

Но сейчас, собственно, не об этом. Сейчас – о спорте. Об Олимпиаде.

К Олимпиаде мыслимо и возможно существует два диаметрально противоположных отношения, то есть отношения государства к профессиональному спорту.

Отношение первое: мы участвуем в Олимпиадах, вкладываем в это деньги, содержим профессиональный спорт.

В таком случае – победы и только победы. Иной вариант просто не рассматривается. Если спорт – твоя профессия, то и спрос с тебя как на работе. Причем, это касается не только спортсменов, конечно: спрос будет со всех, кто причастен к этому делу. Как говорил тов. Берия тов. Курчатова, сидя в укрытии на атомном полигоне: «Если эта штука не взорвётся, я тебе голову оторву!»

И это был подход не кровавого маньяка, а государственного человека: деньги на атомный проект отняли у сирот и вдов в самом прямом и буквальном смысле слова, поэтому и результат требовался не «по возможности», а наверняка.

Точно так же надо требовать результатов и в спорте: ведь деньги, что пошли на его развитие, можно было бы потратить на лекарства для стариков и зарплату учителям. Требовать следует со всей этой камарильи руководителей, организаторов, менеджеров, тренеров за миллионы долларов, вложенных в это дело... Только вот потребовать у нас некому: нет государственных людей, наделённых государственной волей. Не умеют? Атомную бомбу тоже сначала не умели, а потом быстро научились.

Итак, подход первый: требовать побед. И нешуточно взыскивать за их отсутствие.

Подход второй, обратный: профессиональный спорт нам не нужен, у нас его нет и не будет.

Только по правде нет, а не как в Советском Союзе: на словах нет, а на деле есть. Несоответствие слова и дела когда-то и погубило Советский Союз.

Если нет профессионального спорта, то в Олимпиадах и других соревнованиях мы принципиально не участвуем. Да это и невозможно: профессионал всегда обойдёт любителя.

Что у нас есть, вернее, должно быть, если принять второй подход?

Ответ – физкультура.

Сегодня это просто историческое название школьного предмета – физ-ра. А на самом деле это физическая культура, культура тела – в отличие от культуры души и разума. Цель ее – сделать всё население страны физически культурным. Чтобы не горстка избранных совершала дикие трюки за гранью обусловленных природой физических возможностей человека, а народные массы при этом орали у телевизора под пиво с чипсами. Чтобы было совсем по-другому: все граждане, потягивая минералку, бегали, плавали, играли во дворе в хоккей под руководством квалифицированных тренеров. Вот это и есть отличие спорта от физкультуры.

Если принять такой подход, нужно прямо и ясно объявить: наша цель – здоровье нации, всего народа от мала до велика. В этом смысл и цель физкультуры.

Спорт – это уже давно не здоровье, а совсем наоборот. Всем известно, что из т.н. большого спорта уходят полуинвалидами, если повезёт. А не повезёт – так и полными калеками.

Сегодня население физически некультурно, антикультурно, неграмотно. Ликбез в этом плане просто необходим. Посмотрите на молодых девушек – я постоянно наблюдаю их, переходящих дорогу на светофорах. Сегодня практически невозможно встретить нормальную походку и осанку, я уж не говорю о красивой. Опущенная голова, носки вовнутрь, руки болтаются по-дуррачки. У молодых людей – то же самое: сутулятся даже «качки».

Народ должен быть крепким и здоровым – вот во что вкладывает деньги государство, если принимает второй путь. А спорт неважен. Нет спорта. Он не нужен. «Мы тут с товарищами посоветовались и приняли решение: спорт – это буржуаз-

ное извращение, а нам, сознательным пролетариям, нужна физкультура», – так сказал бы тов. Сталин.

Это, конечно, шутка. Ну а если без шуток, то все же спорт – это вредное дело. Дорогое и вредное. Никаких сильных и серьёзных аргументов в пользу профессионального спорта нет.

Спорт демонстрирует высшие достижения человека? Глупости! Человек и стал-то человеком, выделился из животного мира именно потому, что его физические кондиции незавидны: шерсти нет, прыгает невысоко, бегаёт медленно. Вот и пришлось изобретать то и это – от палки-копалки до компьютера. Так что высшие достижения человека пролезают всё-таки не в этой плоскости. Не в области прыжков и забегов.

Спорт – это зрелище, а народ жаждет зрелищ? ДТП – тоже зрелище, да ещё какое: глаз не оторвёшь. Человек смотрит то, что ему показывают: показывают балет – смотрит балет, показывают леди Гагу – идёт на леди Гагу. Так он устроен, народ. Хочешь «болеть» – болей за поселковую команду, где играют твои друзья. Хочешь спектакля – иди в театр, в цирк, на концерт.

Спорт способствует физическому развитию масс? – Не более чем пиво с чипсами.

Остаётся главный, единственный, аргумент: во всех цивилизованных странах есть профессиональный спорт. Попросту говоря, «все так делают». Ещё Лев Толстой заметил, что громадное количество гадостей и глупостей люди совершают, оправдывая себя тем, что «все так делают». Это правда. Ведь «все» пьют, курят, прелюбодействуют, лгут и пустословят. И это ещё пустяки – кое-кто и похуже себя ведёт. Так что ссылка на «всех» – аргумент привычный, но хилый. Как лишённое физкультуры поколение.

Нужно думать, что нужнее и ценнее для тебя, а не стараться стать «всеми». Успех там, где человек (или народ) преследует свою цель, а не подражает каким-то успешным и завидным «всем».

«Все» перестанут нас уважать? Презирать станут? А нам-то что с этого? К тому же мы уже дали «им» сколько угодно поводов не уважать нас и без всякого спорта. Если уж нам так важно «их» отношение, давайте считать, что физкультура – это наш ассиметричный ответ «их» спорту. Стало легче?

Вообще, когда человеку кажется, что его не уважают, это чаще всего означает, что он не уважает сам себя. А живи он своей жизнью и достигай в ней успехов – и уважение придёт незаметно.

А у нас, похоже, есть ровно два мотива «национальной гордости великороссов»: спортивные победы и победа в Великой Отечественной войне. Да-а... Маловато будет.

А страну вообще-то уважают за танки и ракеты. Жаль, конечно, но современное человечество в этом деле недалеко ушло от эпохи палки-копалки.

Вернёмся к физкультуре.

Физкультура должна стать образом жизни. Всех и каждого. Надо устроить форменное помешательство на физкультуре – вроде помешательства на мобильной связи.

Гражданин не должен искать, где бы заняться физкультурой – физкультура сама должна бегать за ним. Как? Да очень просто! В каждом ЖЭКе, ДЭЗе или кондоминиуме должен быть свой физрук. Он поднимает граждан на зарядку, вместе со школьниками заливает каток, возглавляет лыжную вылазку в лес или в парк. В здоровом образе жизни (как, впрочем, и во всём остальном) критически важен пример, показ, живое вовлечение. За компанию, вместе со всеми человек способен сделать то, что один никогда не осилит. Известен эффект толпы – вот и нужно использовать его во благо.

Бегать, прыгать, плавать должны все от мала до велика, каждый возраст – по своей программе. Многим пожилым людям как-то неловко вот так взять и побежать, да и лень бывает. А если толпой – это вполне нормально. Момент личного вовлечения очень важен. Поднять с дивана человека может только другой человек. Поэтому и нужны физруки по месту жительства. Где их взять? Их нужно найти среди людей, предрасположенных к этой работе (педагоги, спортсмены, просто бойкие люди, увлечённые физкультурой), послать на непродолжительные курсы – и вперёд! Вперёд не к рекордам, а к здоровью.

В школе физкультура должна стать ежеднев-

ным уроком. Сколько разговоров велось на эту тему, а воз и ныне там. Только нужна не такая физкультура, где один что-то делает, а другие сидят и ждут очереди, а настоящая – 40 минут движения до пота.

Каждый школьник должен иметь возможность ходить на спортивные занятия – лыжи, лёгкую атлетику, гимнастику и пр. Это не должно быть платно и элитарно, а, напротив, даром и массово. Физкультура должна стать государственным делом.

Когда-то, в 1920-30-е годы, именно такой была государственная идеология и политика. Требовались не рекорды, а массовость – отсюда всем известные по хрестоматийным фотографиям парады физкультурников. Была поставлена задача – вырастить физически подготовленное поколение: «Когда война-метелица придёт опять, должны уметь мы целиться, уметь стрелять». А без физической подготовки это невозможно. Тогда же и для того же изобрели сдачу норм ГТО. Эти меры не предполагали рекордов, а были нацелены на всестороннее развитие: всё тот же бег, прыжки, метание, плавание, но всё разом и на минимальном приемлемом уровне.

Каковы были успехи? Определённые – были. А.И. Куприн, вернувшись из эмиграции, написал очерк «Москва родная». Он отмечал, что у молодёжи за прошедшие двадцать лет изменилась походка: она стала более упругой, подтянутой. «Возможно, это связано с постоянными занятиями физкультурой», – пишет Куприн. Шёл 1937-й год...

Хотел полстать к режиму? Вряд ли. Он был смертельно болен и, по сути дела, приехал умирать. Вряд ли писатель стал бы врать, так сказать, у двери гроба. Наверное, так и было на самом деле.

Потом нормы ГТО были возрождены в 1970-е годы, – я лично их сдавала, – но общей физкультурной атмосферы возродить не удалось.

Хотя, конечно, отдельные положительные моменты были. Во всяком случае, в 1960-70-е годы по выходным любой пригородный лесок и городской парк кишел лыжниками: приходили семьями, классами, дружескими компаниями и в одиночку. Теперь у нас в лесу катаются только старики. Продвинутая молодёжь отправляется куда-то под Дмитров, на горнолыжный склон: едут на машине, парятся в пробках... зато престижно. А просто лыжи – это не престижно. Вот и нужно сделать так, чтобы стало престижно. Это возможно, надо только поставить задачу и грамотно взяться за дело.

Таков второй тип государственного подхода к спорту.

Государство должно сделать выбор: то или другое.

Можно ли совместить эти два похода? «Взять всё лучшее от того и от этого», – как любят увиливать от прямого взгляда и практического дела хитрые и извилистые политики.

Ответ: нельзя.

Это принципиально разные подходы. У нас нет ресурса для двух параллельных программ. Денег нет. Мы – бедное государство. Да, потенциально богатое, но эту потенцию ещё предстоит превратить в реальность. А пока – бедное. Так что надо делать выбор. Если сделать немного того и немного другого, не получится ничего. Что мы и наблюдаем в реальности.

Ни здоровья, ни рекордов.

интернет-конференция Сергей Кара-Мурза о кризисе, экономике страны, современной молодежи и т.д.

- Уважаемый Сергей Георгиевич! К сожалению, не читал всех Ваших книг, поэтому задам вопрос, который Вы, возможно, уже обсуждали в одной из своих работ. Какие в советское время были представления о семье, деторождении? Я недавно натолкнулся в Интернете на информацию, которая меня прямо таки шокировала, - будто каждая советская женщина за жизнь делала чуть ли не по четыре аборта. Но ведь тогда получается, что дела с этим обстояли тогда еще хуже, чем сейчас, когда и так рождаемость катастрофически низкая и полно ужасов, мягко говоря, не способствующих воспроизводству населения.

- Советское время было, по нынешним меркам, очень длинное. В каждый период представления о семье, деторождении менялись, причем на первых порах - в острой политической борьбе. К концу 20-х годов восстановились традиционные «крестьянские» представления, они были узаконены. С 60-х годов шла быстрая урбанизация, тип семьи в городе менялся, менялись и взгляды, и образ жизни. Детей стало меньше, но и смертность их резко сократилась.

Насчет аборт, вы бы подумали сами. Может ли «каждая советская женщина» делать по четыре аборта? Ведь такие вещи не распределяются равномерно - одна восемь сделает, а другая ни одного. Тайных аборт тогда не делали, из медицинской статистики видно, сколько было аборт - в среднем за детородный возраст в 80-е годы делалось по 3,4 аборта.

Но что из этого следует? Тут дело

в принципе. Если аборт законно и морально принят и стал привычной медицинской операцией, то большой разницы нет - один или три. Дети рождались, и прирост населения был стабильным, причем в семье. Сейчас, например, число аборт резко сократилось - новые средства. Но детей рождается намного меньше, и треть их - вне брака. Это - глубокий кризис и семьи, и деторождения. На советское время это не похоже.

- Уважаемый Сергей Георгиевич, в своих книгах вы несколько раз раскрывали проблему ответственности главы государства перед гражданами и самим государством. Не могли бы Вы прокомментировать недавнее высказывание президента России о сталинском режиме: "Я убежден, - говорит президент, - что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни".

- Думаю, что это высказывание долго готовилось и обсуждалось в кругу советников, взвешивалось каждое слово. Положение президента было очень сложным, это надо признать. Общество по этому вопросу раскололо примерно пополам. К тому же «антисталинскую» часть поддерживает «мировое сообщество», с которым шутки плохи. Думаю, что если бы не было мощного давления, президент эту тему вообще бы не стал затрагивать - независимо от его личных убеждений. А раз вынудили, высказался обте-

каемо и политкорректно.

Последняя фраза почти прямо намекает, что все это говорится по необходимости. Не может же Главнокомандующий Вооруженными силами России всерьез утверждать, будто «Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни». Как же он с такими лозунгами пошлет солдат в бой?

Вот из этого и надо исходить.

***

- Считаете ли Вы до сих пор, как это следовало из Ваших весенних статей, что В.В.Путин делает шаги к возрождению России, исходя из его публичных высказываний? Ведь действия центральной власти говорят об обратном: подписанный Президентом закон о статусе иностранных войск на нашей территории, ликвидация единой ЕЭС России, принятый закон о разрешении "Газпрому" и "Транснефти" создать собственные вооруженные формирования, неподотчетные центральной власти; я уж не говорю о нынешних позорных действиях, направленных на обеспечение сохранения существующего политического режима?

- В Вашем вопросе два плана. Первый - тайные цели и желания правителей. Второй - ресурсы, которыми они располагают, чтобы добиваться своих тайных целей. Второй план - реально определяющий. Власть, независимо от ее тайных желаний, подчиняется балансу сил, которые толкают ее в ту или другую сторону. Идеальный случай - когда желания и цели совпадают с направлением преобладающей (точнее, равнодействующей) силы. Так

было лет сорок в СССР, и война показала, что можно при этом достигнуть.

Если мы нарисуем диаграмму векторов сил, действующих сегодня в России и извне, то придется признать, что пока что равнодействующая сила отвечает интересам узкой группы, которая стала господствовать в конце 80-х годов и овладела командными высотами в 90-е годы. Эта сила антinationальная. Среди ее представителей уже практически нельзя встретить кого-то, кто искренне верит в успех «рыночных реформ». Они уже махнули рукой на свои утопии и преследуют свой «классовый интерес», хотя у многих на душе кошки скребут.

Я считаю, что В. В. Путин эту силу «притормаживает». Из каких побуждений, мы не знаем, и гадать бесполезно. Эффект «притормаживания» слабее, чем пару лет назад, но мы не знаем, как за эту пару лет изменился импульс этой силы. Главную проблему я вижу в том, что противодействующая сила «снизу» не окрепла и не организовалась. Если бы это произошло, а В. В. Путин бы не использовал ее как противовес, его цели стали бы прозрачнее. Думаю, он бы ее использовал, и это было бы разумным шагом, независимо от его личных предпочтений.

Я вижу главную проблему именно в этом - медленно организуется сила подавляющего большинства населения, импульс по вектору мал. Конечно, если бы государство хоть чуть-чуть помогло ее самоорганизации, ситуация изменилась бы очень быстро. Но надеяться на это не приходится.

Сергей Кара-Мурза Итоги ушедшего года

Я считаю, что этот год был исключительно важен для того, чтобы понять наше состояние, направление движения и динамику основных процессов в обществе. И он заслуживает внимательного и спокойного изучения.

Ушедший год был гораздо более насыщен различными сигналами, новыми знаниями и уроками по сравнению, скажем, с последними десятилетиями. Вот что хотелось бы выделить.

Во-первых, если кризис 1990-х годов прошел у нас в состоянии полного сумбура, когда мы просто не успевали за событиями, и было трудно извлечь из него все уроки, то сейчас мы приняли новую волну большого кризиса. Приняли ее именно в истекшем году, находясь в состоянии относительно плавного развития процесса и общей дееспособности с точки зрения быстрой оценки событий и извлечения уроков. И вот что, на мой взгляд, этот год показал.

Прежде всего, общество и государство в России фактически даже не попытались выработать национальную антикризисную программу в виде активного воздействия на кризис. Выбор был сделан в пользу смягчения чрезвычайных ситуаций, узких мест через распределение тех ресурсов (и, прежде всего, финансовых), которыми страна располагала. Был сделан явный отказ от созда-

ния новых социальных форм, тогда как при больших кризисах, как мы знаем из истории, всегда выполняется социальная программа, то есть идет социальное творчество новых форм. Это можно наблюдать и в годы «Великой депрессии», и после войны, причем и в Германии, и в Японии, и в СССР.

В нашем же случае стратегической установкой на преодоление кризиса было ожидание изменения внешней конъюнктуры на мировом рынке, цен на нефть, восстановления экономики Запада, который станет покупателем нашего сырья и так далее. Очень важно и необходимо понять - почему произошел подобный отказ от активного воздействия на кризис? Я считаю, что есть две версии ответа на этот вопрос, которые также нужно изучать.

Первая версия: Россия (и хозяйство, и государственность, и культура) настолько сильно влезла в мировой рынок и западные структуры, что потеряла возможность воздействия и рычаги воздействия на собственные системы внутри страны. Эти системы могут только уповать на то, чтобы, как говорится, двигаться за маткой или приспосабливаться как рыба-прилипала. Мы даже не знаем, насколько наша экономика сейчас принадлежит российским собственникам, на которых может влиять государство.

Вторая версия: правящая элита в России утратила творческий потенциал и даже не пытается стать автором какой-либо активной антикризисной доктрины. И это тоже важное следствие кризиса. Возможно, эти причины совпадают, но в любом случае на всех уровнях общества требуется проведение самоанализа, рефлексии. Ожидаем мы этого, конечно, и от государства, хотя, видимо, вряд лиждемся. Даже те лозунги, которые были выдвинуты в послании Медведева (о «модернизации России»), остались на уровне лозунгов, потому что из них не прослеживается переход в определенную программу. Это первый урок ушедшего года.

Второй урок дали катастрофы. Если плавно протекающий кризис дает постоянное наполнение знанием, которое можно интерпретировать, то катастрофы - это некие вспышки, сигналы свыше, которые мы должны понять. Осмысливаются катастрофы уже после того, как происходят, но осмыслить их - очень важная задача. Катастрофа - это экзамен всех систем. Что нам показали катастрофы? Что основной источник знаний о системах - это аварии, которые впоследствии и изучаются как особый тип и источник знания.

В связи с этим можно смело утверждать, что не было произведено полного анализа больших ава-

рий, скажем, на Саяно-Шушенской ГЭС, да и пожара в Перми тоже. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС была аварией и социальных, и технических, и культурных систем, то есть всех срезов нашего бытия. Подобный анализ аварии на Саяно-Шушенской ГЭС был дан, но в очень смятом виде: было много сказано в виде отдельных реплик, недомолвок. Но не было выработано и представлено карты этого явления, дающей, например, при авиационных катастрофах. Для общественного обозрения выкладывается, конечно, далеко не все, но в любом случае составляется карта этого события и его предпосылок. Из этой катастрофы не было дано выводов о каком-то явлении, показывающем общие закономерности. Из акта, составленного по факту аварии, нельзя понять, зачем, например, был ликвидирован Госстандарт и Ростехнадзор, а функции этих органов были фактически возложены на новых собственников технических систем. Это вопрос поднимался и раньше, но тогда вроде бы не было повода, чтобы об этом говорить.

Анализ предпосылок позволил бы понять весь процесс, все точки принятия стратегических решений, которые привели нас к подобному явлению.

Владимир Бакулин

Еще раз о мифотворчестве

В числе таких исключений довольно долго оставался Сергей Миронович Киров. Скорее всего потому, что с хрущевских времен ему отводилась роль жертвы «ужасного, тоталитарного» сталинского режима. Но вот грянула пропагандистская кампания под лозунгом — «Кровь из носа, но переименовать город Киров в Вятку!» И пошла писать губерния...

Под затасканным лозунгом «поиска исторической истины» началось затаптывание в общем-то светлой народной памяти о Сергее Мироновиче Кирове. Как ложка к обеду срочно появилась и книга некоего (выдаваемого за «известного историка») Н.А. Ефимова под претенциозным названием: «С.М. Киров — от мифа к правде». Существенная деталь: при жизни Н.А. Ефимова (умер в 2003 году) книга не издавалась. То ли автор находил ее недоделанной (текст действительно «сыроват»), то ли совесть не позволяла. Но факт остается фактом: около шести лет после его ухода из жизни рукопись оставалась неизданной, и это было правильно.

Но с разгулом упомянутой выше кампании дети Ефимова, а также московский профессор В.М. Лавров (чей личный взгляд на Кирова выдается в приложении к изданию за мнение целого академического Института российской истории) и Кировский протоиерей А.Г. Балыбердин извлекли ее из небытия, и книга «пошла в люди». Последний из перечисленных лиц написал к ней предисловие. Текст его настолько не по-христиански злобен и содержательно примитивен, что не вызывает по отношению к писавшему его (к тому же имеющему научную степень кандидата исторических наук) человеку никаких иных чувств, кроме жалости.

Но обратимся непосредственно к книге Н.А. Ефимова, взявшего на себя титанический труд «развенчать» и «ниспровергнуть» образ С.М. Кирова. Особую пикантность ситуации придает тот факт, что и сам «борец с мифами», и его ассистенты собрали под обложкой книги все мыслимые, так или иначе касающиеся Кирова антисоветские мифы, рожденные за последние 70–80 лет. Ну, вот хотя бы принимаемая всерьез автором книги «бородатая» хрущевская байка о том, что на 17-м съезде ВКП(б) за Кирова проголосовало якобы больше делегатов, чем за Сталина, что и предопределило гибель первого из них (Киров как соперник Сталина). Из всех существующих на сегодня версий гибели «Мироныча» эта — по совокупности обстоятельств и фактов — наименее убедительна. Единственный аргумент в ее пользу — письма Н.С. Хрущеву, а затем А.Н. Яковлеву, от бывшего партийного работника О.Г. Шатуновской о якобы имевшей место подтасовке результатов голосования на партийном съезде при выборах Центрального комитета ВКП(б).

За прошедшие полвека утверждение это не подкреплено ничем более существенным. Сама Шатуновская — лицо заинтересованное. Аргументация ее весьма легковесна. Она легко манипулирует фантастическими цифрами числа репрессированных, как это показывает, например, такой крупный и авторитетный специалист по рассматриваемой тематике, как В.Н. Земсков. Репрессированная в сталинские времена, она была объективно заинтересована в очернении Сталина и

его соратников, а «откровение» ее впервые появилось в хрущевские времена, когда поощрялась (как, впрочем, и сегодня) любая клевета на Сталина. Наглядный пример такого рода деятельности лично подал «дорогой Никита Сергеевич». С учетом всего этого в наши дни большинство вменяемых специалистов к хрущевской версии относятся с юмором. Столь доверчивые историки, как Ефимов, Лавров и Балыбердин, среди тех, кто системно занимается периодом 1930-х годов, встречаются уже крайне редко.

Именно потому, что грозный обвинитель Н.А. Ефимов не может выставить Кирову серьезный исторический счет, значительную часть своей книги он посвящает теме гибели Кирова, следствию по этому делу и репрессиям 1935–1938 годов, собрав при этом, как водится, всю созданную за десятилетия мифологию. Обилие ее позволяет автору предложить читателям на выбор, по крайней мере, два варианта выявления виновников рокового выстрела. В соответствии с первым, виноват сам Киров (простенькая версия ревнивого мужа Николаева, выстрелом которого воспользовался в своих интересах Сталин), во втором варианте счет предъявляется всему сталинскому руководству. Читаем на странице 14-й: «Киров стал одной из жертв невиданного в истории «великого террора», поразившего страну от Москвы до самых до окраин». В 1920-х — начале 1930-х годов в тюрьмах и лагерях Советского Союза заключенных насчитывалось значительно меньше, чем в современной демократической России, на том этапе отнюдь не злоупотребляли власти и расстрелами. Поэтому фраза о «невиданном в истории великом терроре», да еще применительно к периоду до смерти Кирова, настолько лжива и безграмотна (среди множества фактов массового геноцида в мировой истории вспомним хотя бы 10 миллионов уничтоженных американских индейцев), что под ней не подписался бы ни один уважающий себя историк-профессионал.

«Развенчивая» ненавистного им Сергея Мироновича, современные либералы не стесняются копаться в чужом постельном белье. При этом себя-то они, очевидно, мнят образцами благородства и добродетели. Вот и Н. Ефимов охотно собирает сплетни о личной жизни С. Кирова, обильно оснащая ими текст одной из глав: «Слухи о причинах рокового выстрела и об интимной связи Драуле и Кирова поползли по Ленинграду уже 1 декабря с 23 часов...»; Южная водопроводная станция. Степанов: «Я знаю, за что убили Кирова, я разговаривал с кухаркой Кирова, она мне сказала, что убили его из-за какой-то женщины из-за ревности» и т. п. Прокомментируем.

Во-первых, источники такого рода (и не только в научной среде) обычно относят к категории ОБС — Одна Баба Сказала и без дополнения таковых чем-то гораздо более существенным всерьез не принимают. К тому же не мужское это дело собирать кухаркины сплетни на потеху обывателям. Во-вторых, довольно забавно наблюдать, как антикоммунисты пекутся о чистоте коммунистической нравственности большевика Кирова. В-третьих (и это главное), политика оценивают не по результатам подглядывания в замочную скважину, а по его реаль-

ным свершениям во благо (или во вред, бывает и так) родной страны, а то и всего человечества. Правда, и судьбы предварительные должны дойти до масштабов крупной личности, чтобы иметь возможность оценивать ее объективно. А вот это не всегда случается, и тогда в ход идут не вполне адекватные измерительные инструменты.

Ряд разделов книги Н.А. Ефимова просто поражают примитивностью подачи материала. Такова, например, глава «Киров — верный помощник Сталина». В ней самый сложный вопрос выбора путей дальнейшего развития советского государства и общества, оказавшихся к концу 1920-х годов в тисках системного кризиса нэпа, сведен к примитивной драке двух политических группировок — сталинской и бухаринской. Само понятие «кризис нэпа», уже вполне освоенное и осмысленное современной историографией, похоже, неведомо Ефимову, как не поняты им и стоявшие перед руководством страны задачи ее модернизации. Полностью игнорируются международные и внутривнутриполитические условия рubeжа 1920–1930-х годов, промышленная и военная слабость СССР, реальная угроза большой войны на два фронта, вынуждавшие сталинское руководство встать на путь форсированной индустриализации страны и связанной с нею коллективизации деревни. Вместо этого дается простенькая схемка для «троечников»: злой Сталин захотел свернуть нэп по собственной прихоти, а добрый Бухарин этому воспротивился. Замечу мимоходом, что «душечность и доброта» Николая Бухарина у специалистов вполне обоснованно вызывают большие сомнения.

«Симпатизанты» Н.А. Ефимова утверждают, что его книга написана на основе впервые опубликованных архивных материалов, что, дескать, придает ей особую научную значимость и достоверность. Ну, об уровне научности издания уже кое-что говорилось выше, что-то добавим еще по ходу. Утверждение же о солидной архивной базе исследования верно лишь отчасти, и относится главным образом лишь к главе, повествующей о времени пребывания С.М. Кирова в Астрахани. Немалая часть утверждений и выводов Ефимова фактически делается при опоре на чужие труды, мемуары, иные опубликованные источники. Например, намеки автора на тайную связь С.М. Кирова в дореволюционный период с полицией, на его провокационную деятельность в революционном подполье полностью выводятся из довольно произвольного толкования текста монографии Г.К. Долгунца «Киров на Северном Кавказе» (М., 1973), причем это именно намеки, а не доказательства. Как известно, граница между необоснованными обвинениями (причем серьезными обвинениями) и клеветническими измышлениями нередко бывает весьма условной.

Присмотримся и к наиболее насыщенной архивными материалами главе «Киров в Астрахани». Какими научными открытиями порадовал нас Ефимов в этом разделе? Кстати, кое-какой фактический материал он действительно ввел здесь в оборот, но глава существенно выиграла бы в том случае, если бы ее создатель не стремился постоянно подавать фактологию в чрезмерно политизированном духе. А так дело

порой доходит до смешного. Например, мы узнаем, что образованный в феврале 1919 года в Астрахани и возглавляемый С.М. Кировым чрезвычайный управленческий орган (кстати, весьма типичный для времени революции и Гражданской войны) Военно-революционный комитет (ВРК) был настолько свиреп, что предписал служащим всех советских учреждений города и региона «работать не только до обеда, но и после обеда, применительно к работе военного ведомства».

Конечно, за Астраханским ВРК числились дела и более серьезные, чем предписание чиновникам работать после обеда вместо погружения в послеобеденный сон. А среди этих дел случались и аресты политических противников, и даже расстрелы некоторых из них. Разумеется, Н.А. Ефимов пишет и об этом, причем почти исключительно об этом. Но это его право и даже обязанность как исследователя, хотя деятельность ВРК можно было бы осветить и пошире. Беда в другом. Повторяя рожденные в свое время в «белом» стане и в не менее белой эмиграции мифы, автор книги живописует исключительно «красный» террор, причем выдавая его за какое-то уникальное для того времени явление. А деятельность астраханского большевистского руководства почему-то оценивает по меркам мирного времени, что особенно странно для профессионального военного, каковым долгое время был автор «разоблачительного» исследования.

Между тем, не только историки, но и все более или менее образованные люди, хорошо понимают, насколько условна грань между войной, тем более гражданской, и собственно террором. На какой войне не берут заложников, не расстреливают их, хотя бы в отдельных случаях, не убивают мирных жителей, нередко разрушая при этом целые населенные пункты? Что уж далеко ходить — пример буквально стертый с лица земли крупного города Грозного уже в новейшей истории России у всех перед глазами. А ведь и официально объявленной войны при этом вроде как не было. Или вспомним судьбу Белграда во время варварских бомбардировок его авиацией НАТО. Война сама по себе — это сплошной террор. Кроме того, не только историки, но и все образованные люди, хорошо знают, что в истории Гражданской войны в России террор был разноцветным. К нему прибегали не только «красные» (причем не так широко и часто, как это обычно рисуют их враги), но и «белые», и интервенты, и беспартийные партизаны — «зеленые», и атаманы всех мастей, и участники мятежей и восстаний против властей, утвердившихся на той или иной территории.

В главе «Киров в Астрахани» достаточно выразительно описана попытка военного мятежа с участием части местного гарнизона и рабочих города. Грамотная подача автором этих событий (здесь чувствуется опыт профессионала) не оставляет сомнений, что речь идет именно о мятеже. Но при этом Ефимовым делается странный вывод о том, что подавляя мятеж, местные большевистские власти неоправданно жестоко расправлялись с якобы ни в чем таком не замешанными, мирными гражданами. Странная логика. Астраханские события не являлись чем-то исключительным для описываемого периода. Мятежей было не-

мало, в том числе и более успешных для их участников. Победившие мятежники (о чем свидетельствуют события в Ярославле, в Ижевске, на Тамбовщине и т. д.) обычно зверски расправлялись с коммунистами, советскими работниками, членами их семей, сторонниками... Конечно, подавленный в зародыше мятеж позволяет изображать его участников гуманистами, но всем понятна условность такой трактовки событий, кровавых по своей внутренней сущности.

Вызывает сомнение масштаб репрессий в отношении участников мятежа. Н. Ефимов называет цифру – до полутора тысяч расстрелянных. В качестве доказательства ее подлинности дается ссылка на один из центральных архивов. Это – аргумент. Но историки-профессионалы знают, что ссылка ссылка рознь. В архиве может лежать официальный документ неотразимой силы, а может оказаться письмо или высказывание какой-нибудь Матрены из уже упомянутой выше серии ОБС.

В данном случае архивный источник в книге цитируется следующим образом: «По сведениям, полученным А. Г. Шляпниковым в Москве, расстрелу подверглись до 1500 человек, главным образом рабочие».

Естественно, возникают вопросы – от кого получил эти сведения Шляпников? Были ли они официальными или (что более вероятно) до адресата дошли лишь слухи? И через сколько рук они прошли перед этим? и т. д. Историкам известно, что уже в 1918-м, тем более 1919-м году в Советской России была довольно четко поставлена система учета расстрельных приговоров, и потому, конечно, существуют более серьезные документы, фиксировавшие масштабы репрессий, в том числе и в Астрахани (фонды органов ВЧК, губернского и фронтального Трибуналов, отдела юстиции и

т. п.) Непонятно, почему автор книги сослался не на них, а на весьма косвенный источник, никак его не комментируя. Ссылка сомнительна еще и потому, что вечный оппозиционер Александр Гаврилович Шляпников, незадолго до этого отстраненный от руководства Каспийско-Кавказским фронтом, вряд ли испытывал теплые чувства по отношению к новому фронтовому и региональному руководству. Нельзя забывать и о том, что немногочисленный промышленный пролетариат России (около 4 млн человек в начале Гражданской войны) оставался главной социальной опорой советской власти и столь просто, как это избрало Ефимовым, жизнями тысяч рабочих большевистские руководители никогда не разбрасывались.

Анализ исторического факта, события, процесса остается неполным, ущербным, если они не включаются в более широкий исторический контекст. Нельзя полноценно понять факт регионального масштаба, если при этом абстрагироваться от жизни страны, общества, от протекавших в них процессов. Нарушая элементарные требования процесса познания, Н.А. Ефимов поступает именно так, оставляя без ответа важнейший вопрос – а за что, собственно говоря, сражались на Нижней Волге Сергей Миронович Киров и его соратники? Ведь не за вклады же в швейцарских банках. Если пока не затрагивать проблемы идеологии, то можно утверждать, что в первую очередь это была борьба за спасение миллионов соотечественников от голодной смерти. Дело в том, что на протяжении первой половины 1918 года интервенты, созданные ими марионеточные режимы так называемой «демократической контрреволюции», а затем и «белые» армии, отрезали от Советской России большинство хлебородных областей – от Украины до Западной Сибири. Одним из немно-

гих каналов поступления хлеба в голодающую Россию оставалась Нижняя и частично Средняя Волга, а запорам к этой «хлебной калитке» являлись Астрахань и Царицын. Обороной первой из них определенное время руководил С.М. Киров, а второго – И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов.

За период 1917–1920 гг. наша страна потеряла, по приблизительным подсчетам, около 12–15 млн человеческих жизней. Из них около 2 млн на полях сражений, менее 1,5 млн. от всех видов террора, националистических погромов, мятежей и их подавлений; 1,5–2 млн подались в эмиграцию; остальные, то есть явное большинство – жертвы голода и эпидемий страшных болезней типа тифа. Питательной почвой эпидемий, в свою очередь, выступало ослабление человеческого организма, связанное с хроническим недоеданием, с убогим и некачественным питанием. К тому же, в 1918 году Антанта установила экономическую блокаду нашей страны, лишив ее возможности ввозить лекарства, как и все прочее. Вот с этим «Царем-голодом» и вели борьбу С.М. Киров, прочие партийные руководители и рядовые коммунисты. А «белые» и объективно работавшие на них мятежники, помогали Антанте затягивать петлю голодной смерти на шею русского народа.

В.М. Лавров в приложении к книге «С.М. Киров – от мифа к правде» утверждает, что «Киров боролся за те идеологические предположения, которые к исходу XX века показали свою цивилизационную несостоятельность, утопичность и были отвергнуты народом России» (С. 252). Придется уточнить: в основе идеологии, которой руководствовался Киров, лежала идея социальной справедливости. Большевики стремились к созданию общества, в котором, как это замечательно сформулировал посетивший в 1920

году Советскую Россию английский лорд и философ Бертран Рассел, «все мужчины и женщины очищаются посредством труда, ценность которого будет определяться обществом, а не несколькими преуспевающими вампирами». Если допустить мысль, что народы России ныне действительно отвергли эту великую идею, то можно гарантировать, что ждет их невеселое будущее.

Но думается все же, что торопится с выводами господин Лавров. Двадцать лет для истории – миг один. Давайте подождем хотя бы наступления того уже недалекого завтра, когда будет окончательно проедено и бездарно промотано огромное экономическое, научное, военное, культурное советское наследие, соками которого мы все до сих пор питаемся. В создание этого богатства, вместе с сотнями миллионов советских людей, внес свой очень заметный вклад и Сергей Миронович Киров. Особенно в бытность руководителем Ленинграда и всей Северо-Западной области СССР. Старшее поколение ленинградцев еще долго и после смерти Кирова с любовью и благодарностью вспоминали о нем именно как о руководителе-созидателе. Но эта сторона жизни и деятельности Сергея Мироновича явно не интересует его биографа Н. Ефимова. Оно и понятно: много ли тут компромата «накопал»? А задача-то поставлена именно эта. Да и создатели нынче не в цене. Прочтывает иная порода.

В общем и целом рецензируемая книга – лишнее свидетельство того, на какие ухищрения приходится идти, на какие жалкие подпорки приходится опираться активистам кампании за переименование современного промышленного, научного, культурного центра, города Кирова в полуаграрную дореволюционную Вятку. Посочувствуем им.

Юрий Крупнов

Олимпиада как зеркало деградации

Что означает для нашей страны провал сборной на Олимпиаде в Ванкувере? – Что в стране происходит отбор не лучших, а наиболее выгодных и удобных.

Это фундаментальный факт.

В самом деле, если на всемирные публичные соревнования с фиксируемыми до сотых секунды результатами и грандиозной машиной регламентированного судейства мы привозим не тех, кто выиграет и прославит хотя бы спортивных чиновников, а тех, кого по разным внеспортивным причинам можно считать «своими» или пришлось поставить в сборную, – то что тогда требовать от бизнеса или административно-чиновничьих машин, где соревнования по определению идут под ковром, и их на порядок сложнее контролировать?

Лучшие у нас остаются за бортом и вынуждены уходить из большого спорта или, ещё хуже, как показывает пример той же олимпийской чемпионки по биатлону Анастасии Кузьминой, уроженки Тюмени, или уроженца Сыктывкара Ивана Бабинова, вынуждены бежать за границу (в данном случае в Словакию и Канаду), – туда, где более востребованы.

Не менее показательной является ситуация с невостребованностью лучших тренеров в самой России.

Накануне поражения сборной России от Канады генеральный менеджер нашей сборной Владислав Третьяк с гордостью предрекает: «Мартин Бродо ещё себя покажет. Я его прекрасно знаю. Ведь он занимался с 11 до 18 лет в моей вратарской школе в Монреале». Прекрасно, что у нашего замечательного Третьяка есть вратарские школы за рубежом. Но, если мы хотим побеждать, то лучшие вратарские школы, а также вся инфраструктура массового спорта должны быть только в России.

Особенно наглядно это предстает в фигурном катании, где большинство российских тренеров, как минимум, принимают серьезное участие в

подготовке или являются главными тренерами соперников наших лучших фигуристов.

Так, четыре лучшие танцевальные пары планеты тренируются именно у наших тренеров. Причем, тренер Марина Зуева, подготовившая золотую и серебряную пары в Ванкувере, прямо заявила прессе, что из России она была вынуждена уехать в Америку в связи с отсутствием работы, и обратно в Россию работать её никто не звал. Стоит ли теперь удивляться и критически относиться к её пожеланию-угрозе по поводу следующей Олимпиады в Сочи: «Хочу, чтобы мои ученики завоевали все места на подиуме».

Четко определила систему Ирина Роднина: «Федерации спорта должны заниматься селекцией. Вместо этого руководители пристраивают в сборные своих, потом ездят по коммерческим турнирам и собирают деньги. В советское время спортивные функционеры не позволяли себе возить на крупные соревнования жен, любовниц, друзей, а сейчас это в порядке вещей. Страх потерять! Слишком многие восприняли руководство федерациями как семейный бизнес, частную лавочку. Куда это годится? Мы совершенно не следим за тенденциями развития современного спорта...»

Кажется, переставь название событий, виды деятельности и имена героев, и можно рассуждать не про спорт, а про нашу науку, искусство и т.п. и т.д.

Стоит ли пояснять, что положительный отбор наиболее приспособленных и отрицательный отбор лучших и есть база деградации страны?

Гимном деградации звучат уверенные речи чиновников, организовавших ликвидацию лучших в пользу худших. Например, президент Олимпийского комитета России Леонид Тягачев по итогам первой недели Олимпиады исчерпывающе обосновал нормальность происходящего: «В период подготовки к Играм явных ошибок, провалов не было, на правительственном уровне работал Оргкомитет, работал штаб, который со-

бирал руководителей Министерства спорта, ОКР, федераций, спортивных ведомств и территорий, сборных команд, представителей медицины».

И дело не только в том, что, как пишет великая Ирина Роднина, «спортивные чиновники страх потеряли». Всё на порядок страшнее: правила, по которым живут спортивные чиновники, являются правилами, по которым живет вся страна. Просто в Олимпийских Играх все это открыто и более доказуемо.

Даже те организации, которые финансируются страной, вместо направленности на нужный государству результат нацелены на иные интересы.

Тягачева и Мутко уволить нетрудно, но куда деть сам принцип?

В этом плане «Сочи-2014» действительно становятся национальной идеей. Не в плане банальной очередной Олимпиады или объёма расходов на её подготовку, а в плане того, что в Сочи будет видно, стали ли мы менять принцип своей жизни – с отбора наиболее приспособленных к отбору лучших?

krupnov.livejournal.com

Юрий Болдырев

Как прошлое не пускает нас в будущее

Или в связи с недавней утренней аварией, когда на Ленинском проспекте в лобовую столкнулись две машины: ничто не мешает правоохранительным органам не возбуждать уголовное дело в отношении водителя лукойловского «Мерседеса» (двигавшегося в сторону центра), а утверждать, что на встречную полосу выехал маленький «ситроенчик» врачей, ехавших из города в область. И неважно, что утром встречная для него полоса просто занята плотно стоящим потоком машин, — видеокamera на этом участке предусматривательно то ли не оказалось, то ли они не работали. Допускаю, что именно здесь-то и оказались те самые муляжи вместо камер, которых было недавно выявлено несколько десятков тысяч...

Кстати, интересно: эти самые муляжи вместо реальных видеокamer за огромные государственные деньги — это, наверное, тоже «всего лишь экономическое» преступление? То самое, за которое теперь предлагается в качестве предварительной меры использовать не арест, а лишь залог, и вообще наказание смягчать. Действительно, зачем переполнять тюрьмы? Пусть сидят дома под наблюдением муляжей вместо камер и тех же муляжей вместо спецбраслетов...

И что со всем этим делать?

Недавно, в связи с Днем защитника Отечества, я обращал внимание на то, что проблемы оценки и трактовки прошлого не должны разделять нас, мешать видеть будущее и вместе бороться за него. Но все вышеперечисленное — очередной пример того, что именно прошлое нас в будущее категорически не пускает. Так, может быть, я был неправ?

Например, обратимся к истории о том, как председатель правительства вроде поприветствовал наших новых «энергетиков», не выполнивших свои инвестиционные обязательства. Если жить так, как будто только вчера родился и о ближайшем прошлом ничего не знаешь, то можно пытаться искать причины подобного исключительно в какой-то беспрецедентной наглости наших олигархов. Но если иметь хотя бы минимальную историческую память, то невольно вспоминаются эти самые прецеденты.

Более десяти лет назад, в период моей работы в Счетной палате, мы проверяли выполнение еще лишь нарождавшимися олигархами их постприватизационных обязательств, — тех, что вытекали из тогдашней основной волны приватизации. Разумеется, выявили массовое невыполнение этих обязательств. Но главное: по существу-то Счетная палата проверяла не олигархов, а деятельность правительства по обеспечению исполнения новыми собственниками условий контрактов. Соответственно, выявила бесконтрольность и бездеятельность (если не сознательное потакание — но это должно было бы быть предметом следствия). И кто и как был наказан? Никто и никак. Так с чего же теперь было ожидать иного?

То есть, я даже и допускаю (правда, с трудом), что на этот раз власть искренне хотела, чтобы постприватизационные обязательства нашими олигархами действительно были выполнены. Но...

Но напомним старый детский анекдот. Человеку, уставшему бороться с тараканами, подсказывают надежный способ: топнуть ногой по полу и строго спросить, кто в доме хозяин, и после этого решительно выгнать тараканов вон. И главное условие — не улыбаться. Но при попытке осуществить задуманное, увидев, что тараканы в ужасе бросились из дома, его хозяин невольно улыбнулся, после чего последний тараканчик быстро вернулся всех обратно со словами: «Стойте, назад! он пошутил!»...

Так и здесь: а как нашим новым «электроэнергетикам» — старым олигархам — понять, вправду ли от них вдруг что-то потребовали, или опять, как всегда, просто шутят?

Недавно по контролируемому государством телеканалу нам рассказали сказочку о том, как мудрый Греф (тогда еще министр) несколько лет назад усомнился и потребовал от Чубайса (уже анекдот: Греф требует от Чубайса...) гарантий того, что частные инвестиции после приватизации электростанций действительно будут. И «лучшие юристы» якобы срочно выработали гарантии — эти самые постприватизационные обязательства (представляю, сколько на эту истинно «инновационную» работу списали денег — как будто еще пятнадцать лет назад подобные обязательства не фиксировались). Но если «лучшие юристы» выработали гарантии, то как же их можно было не исполнить? Не исполнить, и при этом остаться живыми и, как говорилось в старом добром фильме, «вполне даже упитанными»? Я имею в виду тот самый замечательный фильм, где рассказывалось, как у нас в Белокаменной все строго в том смысле, что никаким слезам не верим...

Раз все остались живыми и веселыми, значит, действительно, опять всего лишь пошутили...

И к каким-либо зачаткам совести в таких делах взывать абсолютно бесполезно. Логика здесь железная — куда более мощная, нежели в «гаран-

тиях», разработанных «лучшими юристами». Чем больше электростанций, тем меньше дефицит. Ниже тарифы — ниже прибыли. Что же они — сами себе враги? Я недавно объяснял одному коллеге, как я понимаю (ошибочно, видимо, недооценивая их исключительные высочайшие моральные качества) интересы новых собственников электростанций и их связь с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС. Все просто: если я предварительно вложился в лоббирование приватизации очередной естественно монопольной сферы, затем сумел прихватить генерирующие мощности (да еще и пролоббировал возможность прихватить их практически бесплатно), а стоимость производимой и продаваемой мною электроэнергии прямо зависит от степени ее нехватки, то что перво-наперво я должен сделать? Причем, имея масштабные возможности: например, повторю, предварительно пролоббированную приватизацию всей электроэнергетики страны. Очевидно: да взорвать эту ГЭС, которая нам тут только цены сбивает.

Прямо взорвать, конечно, опасно. Значит, как-то косвенно, подействовать, снова полоббировать — на этот раз так, чтобы на технические проблемы плотины и станции смотрели сквозь пальцы...

Скажите, я преувеличиваю? Но в материалах Счетной палаты за период моей в ней работы мы специально обращали внимание на то, как перед приватизацией те же самые лица, что утверждали «принципиальную неспособность» государства управлять госсобственностью, являясь полномочными госчиновниками, категорически саботировали это самое управление. Чем, вроде как, доказывали эту самую принципиальную неэффективность государства...

...А если даже и не участвовать, хотя бы косвенно, тем или иным образом в уничтожении конкурирующей государственной ГЭС, то, как минимум, мечтать об этом ведь не запрещается?

И если я (собственник электростанций) только о том и мечтаю, чтобы эта Саяно-Шушенская, наконец, грохнулась, то неужели из-за каких-то уже традиционно шутейных у нас «инвестиционных обязательств» я еще буду добровольно создавать дополнительные мощности и тем самым сбивать себе цены?

Это не показание, не донос, — я ничего не утверждаю, так как не знаю. Но это совершенно железная логика, пресечь которую возможно исключительно жесточайшим государственным принуждением. И никак иначе. А малейшая червоточка в государственном механизме, малейшая коррупция — и проблема, возникающая в связи с подобной «либерализацией», уже категорически неразрешима. Но, напомню: полтора десятилетия назад коррупция у нас была, не больше не меньше, а «против коммунизма».

Теперь очевидно: эта коррупция уже против даже самой невинной мечты о каком-либо минимальном либерализме, о созидательной свободной конкуренции, да и вообще — о какой-либо минимально цивилизованном уровне жизни...

И сразу приведу пример другой аналогично людоедской, но, к сожалению, совершенно естественной в мире большого бизнеса логики. Сейчас у нас строят (или, скорее, выделяют из существующих, как это делают с трассой на Сочи) платные дороги. И кто-то рассчитывает, что после этого по бесплатной можно будет проехать хотя бы так же, как сейчас? Достаточно пары фуры, регулярно развозимых даже в самой пустынной аварии, и совсем чуть-чуть доплачивать ГАИ (ГИБДД), чтобы те не торопились приехать и разбираться. И смотришь — весь транспортный поток уже совершенно «добровольно» переходит на платную дорогу...

Уговорами с этой железной логикой не справишься. Только жесточайшей ответственностью. И кто же ответит в случае с невыполненными инвестиционными обязательствами? Олигархи, не без оснований решившие, что с ними лишь в очередной раз пошутили, и потому даже не подумавшие какие-либо обязательства выполнять? Или «лучшие юристы», нагло обманувшие великого экономиста и руководителя Грефа и подсунувшие ему гарантии не настоящие, а лишь потешные?

Но не менее важно и другое: по причинам кризиса нашим «трудооголикам» уже переносили сроки выполнения инвестиционных обязательств, причем, без штрафных санкций. Значит, если я правильно понимаю, кризис — это основание для того, чтобы государство без каких-либо штрафов предоставило нашим гражданам (понятно, тем из них, кто попал в затруднительное положение) отсрочки от выполнения их обязательств. Было бы логично, чтобы это касалось и ЖКХ, и оплаты электричества и газа, и возвращающих кредитов, и т.п. Но оглядываюсь вокруг и ничего подобного не замечаю.

Если это не двойные стандарты, причем в пользу этих самых высокоморальных новых «электроэнергетиков», то как еще это назвать?

Премьер на том же совещании по вопросам электроэнергетики также посетовал на то, что некоторые новые собственники, оказывается, получают энергопотребности практически бесплатно. Так-так, интересно — может быть, это что-то новое? Может быть, это у нас впервые? И как же этим искусникам и затейникам (написать прямо «проходимцам» не решаюсь — во избежание судебных исков против издания) удалось так «обмануть» наше правительство?

Очень просто — технологию подробно описал премьер: тут же организовали допэмиссию акций, в результате чего сразу вернули себе ровно ту сумму, за которую только что купили мощности. Но давайте обернемся всего на полтора десятилетия назад. Разве тот же «Норильский никель» они получали иначе? Разве за свои деньги, а не за наши, государственные? И если это можно было тогда, то почему бы не повторять эти финты до бесконечности?

И главное: если тогдашней власти можно было потакать подобному мошенничеству безнаказанно, то почему нынешняя власть (а это верные соратники и ученики тогдашних реформаторов) вдруг должна быть поражена в правах? Что изменилось?

Изменилось лишь одно: если тогда правительство заранее положило им на депозиты «временно свободные» бюджетные средства (в необходимом для «покупки» прав объеме), то теперь — перечислило за «допэмиссию» уже после «покупки». Это, конечно, заметная инновация...

Но тогда преступление «было нужно», якобы, для «необратимости реформ» — чтоб создать мощную опору переизбрано на новый срок «гаранта» (Ельцина). А теперь ради чего?

Ответ известен: один раз начав разграбление своего государства, остановиться трудно. И пока не похоже, чтобы кто-то хотя бы собирался остановиться...

Самое время ненадолго вернуться к итогам Олимпиады.

Продолжаются споры: о причинах наших неудач и о необходимости «кадровых решений», или же, напротив, о целесообразности относиться к результатам спокойно. А ведь действительно, с чего это вдруг мы должны быть победителями в спорте, если в реальной жизни — экономике, научно-техническом развитии, социальном обеспечении и безопасности, наконец, в минимальной честности политической системы и уровне реального самоуправления — мы не на одиннадцатом месте, а значительно дальше?

Хотим быть первыми, обижаемся, что американцы, канадцы, немцы (да и другие) нас обгоняют? Но разве в США, если кто-то небедный не выполнил инвестиционный контракт, будут журить и взывать к совести? Не говоря уж о том, что там все ключевые фигуры администраций проходят публичное обсуждение и утверждение Конгрессом. У нас же «назначил Президент» — гарантия незыблемости статуса главного спортивного функционера (равно как и министра финансов и проч.), независимо от того, насколько серьезные и обоснованные претензии к должностному лицу предъявляются.

И, тем более, слава настоящим героям. И тем, кто завоевал золото, и тем, кто, как Плющенко, золото заслужил, но, по причинам, от него не зависящим, не получил. И тем, кто завоевал и серебро, и бронзу, и даже просто оказался не последним. Четвертое, пятое и, тем более, десятое место на Олимпиаде не чувствуются, но на самом деле — это тоже серьезная работа и достижения.

Вы только подумайте: предположим, мы вышли бы сейчас хотя бы на пятнадцатое место в мире по уровню научно-технологического развития и производству наукоемкой продукции, по чистоте воздуха в городах и продолжительности жизни, по поддержке материнства и детства и уровню пенсий, наконец, по každодневной безопасности граждан и обеспечению ветеранов и инвалидов... Это невозможно даже представить, несмотря на все бравурные заявления о предстоящей «модернизации». Откуда тогда такой дисбаланс между ожиданиями от большого спорта и от реальной жизни?

В отношении спорта все понятно: не умея объединиться в более важном, мы объединяемся в том, что требует меньших усилий. И, не умея предъявлять требований власти, мы требуем результатов от спортсменов — от тех, кто, в отличие от власти, нам ничем особенно и не обязан...

И в отношении жизни тоже понятно: основаниям для оптимизма взяться неоткуда. Такой у нас заложен фундамент под все нынешнее государство.

Не обратимся к прошлому (не к началу прошлого века, революции, тридцатым годам и т.п., а к 1990-м годам, к прошлому ближайшему, большинство фигурантов которого еще живы и, более того, весьма влиятельны), не перестроим фундамент настоящего — вряд ли мы сможем рассчитывать на какое-то достойное будущее.

Илья Хаськович Брендология и брендомагия

Для современного мира характерно сближение и даже слияние магии и технологий. Одним из проявлений подобного симбиоза является бренд — таинственная реальность, которой управляет немногочисленная, но весьма могущественная группа жрецов. В настоящее время социум предельно зависим от брендотворчества, поэтому очень важно найти путь избавления от этой зависимости.

Бренд как проблема.

Можно ли заставить бренд явиться тем, чем он не хочет казаться? Именно явиться, а не быть, поскольку бренд хочет быть всем — такова его функция, природа и миссия. Проблема в том, можно ли вынудить бренд явиться той своей стороной, которую условно можно было бы назвать подлинной? На самом же деле это его составляющая, которую не хочет показывать ни он сам, ни те, кто его создали. Ведь став явной, эта сторона лишит бренд возможности достичь той цели, для которой он предназначен.

В другом разрезе этот вопрос можно сформулировать следующим образом. Возможно ли настоящая брендология, разрушающая чары брендомагии? Ибо итог любого серьезного анализа, независимо от субъективной цели аналитика, сводится к разрушению очарования магической таинственности явления и превращения волшебства в ловкость рук.

Парадокс задачи состоит в том, что необходимо заставить проявить свою теневую сторону то, что само предназначено заставлять и затемнять. Ведь бренд — это, прежде всего, означающее, заставляющее свое означаемое, и отражение, затемняющее свое отражаемое.

Используем для начала самый простой и очевидный пример, в рамках которого применение термина «бренд» не будет вызывать ни сомнений, ни тем более подозрений. Всем более или менее известно, что такое телевизор и для чего он нужен. Любому человеку легко определить видовую принадлежность этого понятия и контекст, в котором оно используется. Однако в тот момент, когда перед нами предстает телевизор, помеченный брендом «Sony», он становится не просто устройством для передачи изображений, а частным проявлением глобального бренда. И это проявление обладает своим собственным набором коннотаций и, соответственно, позиционирует себя в окружающей реальности уже совершенно другим способом, что, кстати, с обезоруживающей открытостью и заявляет бренд «Sony» в своем слогане «It's a Sony».

Бренд как магия.

Таким образом, мы видим, что бренд в данном случае фактически переопределяет то понятие, к которому он прикреплен. И задачей бренда становится заново явить явленное и перестроить открытое. Телевизор как вещь уже явлен, как понятие — определен, как научно-техническое открытие — открыт, но бренд, маркируя эту вещь, переформатирует ее во всех этих трех аспектах, представляя нам чем-то иным. И пока механизм этого переформатирования остается скрытым от постороннего наблюдателя, у него создается ощущение, что над вещью произведено некое магическое действие: вот была одна вещь, и вдруг, после прибавления волшебного слова, она уже совершенно другая. В общем: «Philips — изменим мир к лучшему».

Ведь магия — это тогда, когда не видна связь между последовательностью действий и их последствиями, притом, что наличие такой связи не подвергается сомнению, и магия бренда тут не исключение. Как только эта связь становится вывешенной, магия разрушается и становится своей противоположностью — технологией, действие которой понятно любому, кто обладает соответствующим набором знаний. Это, в общем-то, не значит, что магия, ставшая технологией, перестает быть действенной. Просто меняется характер этой действенности.

За магией всегда стоит непроявленное, возможность управлять которым дает тому, кто им обладает, некую власть. Владение технологией, напротив, доступно каждому, у кого есть инструкция по эксплуатации, делающая явной связь между действиями оператора (заменяющего в технологическом управлении мага) и их результатом. Разница еще и в том, что маг как бы предназначен к выполняемому им действию, а оператором может быть любой случайный пользователь. Вызвать дождь, совершив ритуальный танец, способен только шаман, хотя даже он может не знать, какая связь между его танцем и дождем. В то же время любой может повернуть кран и включить душ.

В бренде эти два начала смешаны, он технологичен по своему происхождению и применению (любая книга по маркетингу — не более чем инструкция по применению бренда), но хочет производить магическое впечатление. Одно из стремлений бренда — вернуть магию в технологический мир, маркировать и присвоить ее себе, давая власть тем, кто этим брендом владеет. Отсюда масса вещей от творожков до мясорубок, маркированных как «чудо».

Показательным примером подобного рода является и бренд «политтехнолог», для которого даже наличие в самом слове корня «техно» не является препятствием для собственного продвижения. Способность «таинственных политтехнологов» своим якобы неизвестным искусством воздействовать на мнение людей по тому или иному вопросу нередко представляется СМИ как нечто поистине магическое, как дар, которым обладают немногие. На самом деле речь идет о нескольких нехитрых гуманитарных технологиях, использовании которых, к тому же, требует чаще всего серьезных финансовых вложений, и информация о которых вполне доступна.

В общем, бренд стремится привнести иллюзию маги-

ческого в мир, который давно закрыл себя от подлинной сакральности. Это дает бренду возможность принести символический капитал своему владельцу, который затем неизбежно конвертируется во власть. Одновременно бренд — это ответ на потребность в чудесном там, где оно невозможно по определению и все сделано для того, чтобы оно было невозможно.

Вернемся, однако, к замещающей природе бренда. Бренд — это очевидное насилие над тем, с чем он работает. Бренд «заставляет» явление в обоих смыслах этого слова. Во-первых, вынуждает явление быть тем, чем оно до этого не было и не собиралось быть, а во-вторых, он загроаживает явление, подобно тому, как мебелью заставляют пустое пространство квартиры или дома. Проблема в том, что пространство, занимаемое брендом, уже заставлено, и бренд врывается в него насильно, закрывая от взора стороннего наблюдателя все, что здесь было до него.

Бренд как желание.

Из вышесказанного видна первая из возможных характеристик бренда. Он представляет собой замещающую реальность, стремление которой не просто заместить, но и изменить реальность, предшествующую себе. Цель этой операции понятна: продать маркированную реальность, продать ее в большем количестве и за большую цену, чем она могла бы продаваться, оставаясь самой собой. Цель бренда — заставить хотеть овладеть им через приобретение маркированных им вещей.

Однако важный момент состоит в том, что бренд, который заставлял всех стремиться его приобрести, купить невозможно, можно заполучить лишь брендированную им вещь. Последствием этой операции является неудовлетворимое желание обладать брендом, притом, что это невозможно, и именно недостижимость бренда делает процесс приобретения помеченных им вещей теоретически бесконечным. Бренд стремится к тому, чтобы им желали овладеть, но при этом устроен так (явно не случайно), что сам — через маркировку потребляемых под его именем вещей — обладает теми, кто стремятся его купить.

Конечно, на самом деле бренд может быть продан, мало того — это происходит постоянно, но для этого бренд из фантазматической реальности нужно сделать сначала вещь, а затем товаром. Кроме того, при покупке бренда покупается даже не он сам, а сумма прав на него, то есть, в конечном итоге права на извлечение капитала из его действия.

Итак, бренд — это не просто замещающая реальность, но желаемая и принципиально никогда не удовлетворяющая это желание реальность. Бренд эротичен, однако он и здесь замещающе-эротичен, ибо не создает новое желание, а переключает на себя уже существующие. Этим, кстати, можно объяснить любовь рекламщиков к полубогам красавицам: желание, возникающее у среднестатистического мужчины при виде этих красавиц, переключается на рекламируемый бренд, а сами девушки становятся такой же его частью, как продаваемый брендом товар. Эротичность девушек, как же, как и вызываемые им сексуальные желания и грезы, становится полной и безраздельной добычей бренда. Фактически бренд заставлял девичью красоту отдавать себе, делая вид, что, напротив, предлагал ее другим.

Вообще действие бренда заключается в том, чтобы забирать ресурсы (красоту, деньги, время — в общем, все, что попадает под руку), а отдавать фантом. К тому же бренд забирает по одной цене, а продает по другой, подобно тому, как бензин стоит дороже нефти-сырца. Даже в случае покупки брендированного товара, имеющего вполне ощутимую материальную составляющую, потребитель платит дважды. Покупая сковороду Tefal, мы платим за посуду и за «идеи, без которых не обойтись».

Бренд как власть.

При таких раскладах неудивительно, что бренд является собой стремление к власти и контролю: власти над желаниями и контролю над продажами, а через продажи — к достижению еще большей власти.

Все это в современном сознании маркировано брендом «успех». Без успеха бренд просто сводится к набору случайно созданных понятий, эмоций и образов.

Стремление к контролю и власти в бренде тотальное. Успех должен быть безоговорочным и поддерживаться максимально долго. Здесь заключена решающая разница между успехом и такими мерилами достижений традиционного общества, как слава, богатство и могущество. Воинская слава — вечна, даже если о ней больше никто не помнит. Богатство видимо и явно в роскоши и великом расточительстве, оставляющем после себя дворцы и пирамиды. Могущество меняет ход истории. Успех же существует только здесь и сейчас, он невозможен без постоянного подтверждения, за ним не стоит ничего, кроме постоянного требования внимания и желания достичь чего-то, кореллирующего с желанием остальных видеть успешного и обладать им.

Но, очевидно, что такое обладание недостижимо. Таким образом, успех состоит именно в том, чтобы быть брендом, который все хотят, все покупают, но которым никто не может овладеть, кроме того, кому принадлежит право на получение приносимых брендом доходов. Собственно говоря, медиа-персонажи, не сходящие с экранов телевизоров и страниц газет, представляют собой частные случаи бренда «успех», так же, как и современные политики, и большинство общественных деятелей. А в последнее время этот список дополнили и религиозные лидеры, первым из которых пошел по пути брендинга, пожалуй, Далай-лама, а за ним потом потянулись и многие другие.

В то же время самые могущественные люди в этом мире абсолютно неуспешны. Их никто не знает и никто не хочет, чтобы они существовали вообще, — так как это разрушает чарующую «естественность» формируемой брендами реальности. Но они и не стремятся под свет софитов — продавцы брендов не хотят сами ими становиться, так как это оборачивается потерей могущества, ибо сокрытое управляет открытым, а не наоборот.

Стоит ли после этого кого-то убеждать в том, что брендом может быть не только всем широко известная торговая марка, а все что угодно, например, политический концепт, философская система или религиозное учение?

Там, где все имеет свою меновую стоимость и потребителю за все приходится платить, в условиях жесткой конкуренции лучше продается то, что скрывает свою настоящую внешность, выставляя на обозрение вместо нее искусно сконструированный фантом, предлагающий потребителю нечто совсем иное, чем то, что последний в итоге получит.

Важнейшей характеристикой бренда является его сконструированность. Бренд никогда не возникает сам по себе, он не может родиться, появившись сам из чего-то, что было до него. Бренд всегда кем-то и для чего-то создан. Насколько нерациональным может оказаться воздействие бренда на окружающую реальность, настолько всегда принципиальна и рациональна причина, породившая его. За брендом всегда стоит чья-то воля, независимо от того, говорим мы о бренде бытовой техники или о политическом бренде вроде «демократии».

О каком бы бренде ни шла речь, он всегда создан и продвигается с целью извлечения, и под этим совершенно не обязательно может подразумеваться коммерческий доход. Капиталом могут оказаться деньги или успех, но, в конечном счете, это всегда власть, подобно тому, как за любой валютой всегда стоит золото, даже если это якобы ничем не обеспеченный доллар.

У любого бренда всегда есть владелец: он всегда кому-то принадлежит, причем только тому, кому принадлежит — и более никому иному. И скандалом абсолютно не противоречит тому, что брендом невозможно обладать. Это невозможно для того, на кого направлено действие бренда, тому, кого принуждают желать этот бренд. Настоящий хозяин бренда не тот, кто его покупает, а тот, кто его продает. При этом можно еще раз напомнить, что многочисленные продажи маркированных брендом товаров (т.е. фактически самого бренда) никаким образом не влияют на принадлежность самого бренда. Напротив, чем успешнее продажи бренда — тем больше власть над ним его хозяина.

Брендология.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что как функция бренд представляет собой замещающую реальность, как цель — недостижимый, но постоянно желаемый эротический идеал, как средство — соблазняющий потребителя фантом, как орудие — инструмент извлечения капитала, конвертируемого во власть.

Сам же процесс брендинга стремится выглядеть как цепь магических действий, для произведения которых необходима причастность к миру избранных, обладающих эзотерическим знанием и сакральной властью.

Теперь, возвращаясь к поставленному в начале вопросу, спросим себя, что со всем этим способен сделать анализ, который можно условно обозначить как брендология? Можно до бесконечности разоблачать власть брендов и стоящий за ними обман, но такая публичность будет также работать на брендирующие: анти-реклама тоже реклама, отрицательные коннотации тоже коннотации, поглощая которые бренд только растет, подобно водяному матрасу, которому все равно, насколько чистой водой он наполнен.

Не менее сомнительной представляется попытка разоблачения тех сил и лиц, что стоят за формированием брендированной реальности. Это удел конспирологии, которая давно уже является своего рода «служанкой брендинга», поскольку «сформулированное тайное» — одна из основ бренда.

Брендология может быть только прикладной дисциплиной, задачей которой должно стать создание своего рода инструкции по эксплуатации к брендированному миру, превращению его из магического в технологический. Необходимо попытаться сделать этот мир доступным и понятным для всех, кто этого пожелает, снять с мира брендинга покров таинственности и манипуляции.

Вопрос ведь даже не в том, потреблять или не потреблять, поддаваться или не поддаваться магии брендов, и даже не в том, чтобы разоблачать ее. Проблема в том, чтобы немного подвинуть, отстранить бренды, чтобы превратить их из тотальной реальности, которой стремится стать брендированный мир, в ее элементы. В конечном счете, речь должна идти о попытке деприватизации окружающего нас мира, присвоенного себе продавцами брендов.

Для этого необходимо, прежде всего, дать себе отчет во многих совершенно разных вещах и подвергнуть сомнению очевидность многого из того, что не вызывает сомнения. Необходимо признать, что многое из того, что всегда казалось нам безупречным в своей откровенности, включая сюда самые базовые понятия — такие, например, как «Бог», «свобода» или «семья», — уже давно представляет собой не то, за что они себя выдают. Ценности являются активно формируемыми на наших глазах брендами и, соответственно, принадлежат уже не нам, а небольшой группе брендодержателей.

Николай Коротков

«Аватар» как метод радикальной вестернизации

Фильм учит ненавидеть американцев. И это только подтверждает мысль о том, что альтернатив американской цивилизации («западнизму») больше нет. Что уж тут говорить, если уже даже в авангарде антиамериканизма стоят американцы. Фильм, прославляющий борьбу национальных государств с агрессией США, не оставляет никаких шансов национальным кинематографам, щедро отъедая у них кассовые сборы и безаппеляционно списывая все «Обитаемые острова» и прочие «Гадкие лебеди» в позапрошлый век.

«Аватар» — это не фантастика. Это метод радикальной вестернизации в предельно откровенной форме. На выходе из кинотеатра висит постер «Шерлока Холмса», с которого посетителям криво ухмыляется аватар великого английского сыщика. Если Смоктуновский или Ливанов были, например, признаны англичанами лучшими Гамлетом и Шерлоком соответственно, т.е. с успехом прошли тест на национальную идентичность, то американский Холмс — «из чужой стаи». Это Джеймс Бонд в теле Холмса, морпех Вооруженных Сил США в личине британского национального героя. Уже не одно десятилетие Голливуд осуществляет бескровную экспроприацию чужих культурных ценностей, вернее, их подмену, пичкая своей идеологической начинкой аватаров короля Артура, Уильяма Волоса («Храброе сердце»), Моисея и прочих «национальных» героев — от исторических и литературных до мифологических, включая богов, полубогов и демонов (всевозможные геркулесы, тесеи и одиссеи).

Буквально в последнее десятилетие конвейерный принцип создания таких аватаров сформировался в особый поджанр, для которого еще даже не придумано термина. Примером этого могут послужить такие фильмы, как «Лига выдающихся джентльменов», «Братья Гримм», «Ван Хельсинг», «Шрек» и т.п. Особенно символична в этом ряду картина «Братья Гримм», по которой знаменитые братья, оказывается, не только создавали сокровищницу сказок и историй о всевозможных удивительных существах из национального фольклора, но и параллельно этих самых существ истребляли. Это — привычный для Запада прием усвоения наследия иных культур, когда они физически уничтожаются, а затем воссоздаются «совсем как живые» (или даже еще «живее», учитывая достижения компьютерной графики) на мировой «фабрике грез». В то же время аватары немецких сказочников в «Братьях Гримм»

являются проводниками еще одного сообщения, адресованного всем деятелям национальных культур: чтобы стать героем голливудского блокбастера (вариант: лауреатом Нобелевской премии и т.п.), ты должен сделать то же самое с собственной культурой, оболгав ее или приняв по-сильному участие в ее обкрадывании либо умерщвлении. Разумеется, возможны и другие пути, но этот — самый доступный и универсально применимый (вплоть до «большой» политики).

Кроме того, происходит методичное производство новых «национальных героев», т.е. аватаров, причем их национальность может назойливо подчеркиваться всевозможными атрибутами вроде акцента, особенностей «менталитета», «костюма» и прочих маркеров. Самый свежий пример — фильм «Черная молния», «первый российский фильм про супергероя». И нет смысла доказывать, что Бекмамбетов — наш, российский. Он является типичным голливудским аватаром, призванным возглавить борьбу российского кинематографа с Голливудом. И это уже даже не смешно. Или также смешно, как собственные похороны. Потому что все сокровенные чаяния на заимствование их технологий для создания собственной самобытной культуры также беспочвенны, как, например, идея конвейерного производства дымковской игрушки.

Пожалуй, в контексте нашей темы стоит подробнее остановиться на супергероической проблематике, всплывшей в связи с «Черной молнией». Надо четко понимать следующее: нагромождение глупостей и нелепостей можно с легкостью простить очередному американскому образчику жанра, но НАШЕ «супергероическое» кино не имеет права быть глупым. Возможность периодически отключать мозги, поглощая истории о резиновых защитниках нации, — это роскошь, которую США могут позволить своим гражданам благодаря эксплуатации стран третьего мира и беспощадной эмиссии. Плоть от плоти подобной фундированной не «принципом реальности», а «принципом удовольствия» экономики является и традиционный американский аттракцион супергероев/суперзлодеев: перемещение подобных персонажей в реальный социокультурный и естественнонаучный контекст автоматически превращает их в пародии на самих себя.

На Руси же «супергерои» — не роскошь, а средство выживания, и вместо побед над полчищами суперзлодеев, пришельцев, болотных

монстров и прочих помидоров-убийц, им приходилось решать вполне реальные проблемы. Поэтому и супергерои в русской культуре, в том числе массовой, всегда — от Ильи Муромца до Василия Ивановича и Даниила Багрова — были не только реалистичны, но и, как правило, имели реальных прототипов. Наши супергерои редко умеют летать, зато вполне уязвимы, вплоть до летального исхода, как и положено настоящим, а не выдуманым героям (вспомнить того же Чапаева или, например, Мальчиша-Кибальчиша). Напротив, супермэн, «made in USA», заботливо огибают выпущенные почти в упор пули (стрелы, лазерные лучи и т.п.), а если кого из них и удастся серьезно повредить, он каким-то чудесным образом обязательно воскреснет в следующей серии или выпуске комикса. Сэм Уоррингтон, кстати, уже подписал контракт на съемки двух продолжений «Аватара» (в одном из которых, быть может, земляне все-таки догадаются уничтожить священное дерево прямо с орбиты Пандоры вместо необдуманных военных действий на поверхности планеты). Впрочем, нет необходимости в очередной раз философствовать по поводу тривиальной истины о том, что киношные войны, происходящие по тем же законам, что и все прочие, не прекратятся до тех пор, пока будут приносить деньги. Свидетельством тому является запуск новой трилогии о Терминаторе, съемки приквелов к «Властелину Колец», обмолвки Дж. Лукаса о возможности создания очередной трилогии по «Звездным войнам» и т.п.

Фильм «Черная молния» выглядит вполне в духе современной российской политической конъюнктуры, когда под лозунгами модернизации происходит спешное внедрение в российское производство отработавших свое импортных технологий. Советские режиссеры, снимая фильмы о героях Гражданской войны, умели органично вплетать образы легендарных комдивов в ткань традиции: вспомним хотя бы простой до гениальности прием с русской народной песней, которую поет Котовский в первых кадрах одноименного фильма. А Дима Майков из «Черной молнии» получился настолько стерильным, как будто он и впрямь выращен из пробирки. Актер, сыгравший главную роль, вполне мог бы быть дублером Тоби Магуайера в роли «Спайдермена». «Свой в доску» папаша Гармаш, призванный сосватать публице этого аватара, убедить принять его «как родного», со своей задачей справился на «отлично». Свидетельство этому — преимущественно бодрые,

благожелательные отзывы о фильме и в прессе, и среди зрителей. Все вопиющие несообразности фильма компенсируются тем, что «фильм очень добрый, красивый и про любовь».

Таким образом, можно констатировать высочайшую эффективность новейшей конкистадорской стратегии западнизма, так четко и ярко выраженной в «Аватаре»: устами главного героя авторы фильма сразу признаются в своей колонизаторской миссии, но затем поспешно добавляють, что успели искренне полюбить туземцев и что, мол, «где сердце мое — там и моя Родина». Вот только старая философская истина о том, что любовь способна превратить янки в наави, а киборга-убийцу — в человека, нуждается в корректировке. Наоборот, именно руководствуясь чувством долга (что, по Канту, только и является критерием истинной нравственности), человек может превратить себя в киборга, пожертвовав самыми сильными своими страстями и привязанностями, вплоть до любви. Это, собственно, и называется профессионализмом. А в Пентагоне и Голливуде профессионалы — лучшие в мире.

Отдельного упоминания заслуживает экологический лейтмотив «Аватара»: в фильме есть инфантильное осуждение убийства матери-природы техногенной цивилизацией, однако не предложено внятной альтернативы этой цивилизации. Точнее, нет никаких предположений и предположений о том, возможно ли ее пересоздание, трансформация в по-настоящему на экране экотопию. Это просто два разных мира, не сводимых друг к другу. В итоге в качестве единственной альтернативы нашему ущербному миру выступает виртуальная реальность, а пределом мечтаний — никогда из нее не возвращаться.

Наряду с компьютерными играми, в которых можно играть на стороне пришельцев, мутантов и прочих монстров, «Аватар» стал еще одним симптомом усталости современного человека от антропоморфности. А социальный идеал оказался окончательно вытеснен в виртуальный мир.

P.S. Русский философ Н.Федоров со своим проектом «общего дела» на фоне «Аватара» и тому подобных блокбастеров выглядит как безнадежный анахронизм: не потому, что его проект несостоятелен, а потому только, что общему делу с неизбежными «советскими» методами его обеспечения и регулирования человечество с радостью предпочтет тотальную миграцию в землю обетованную, смоделированную кучкой программистов.

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Для оформления полугодовой подписки на газету (12 номеров), нужно перечислить 200 рублей (для жителей Кировской области - 120 рублей) из любого отделения банка или почтовым переводом на счёт ООО "Точка Ру" ИНН/КПП 4345147509/434501001 р/с 40702810100130009232 в ОАО КБ <Хлынов> г. Киров к/с 3010181010000000711 БИК 043304711ОКПО 93248626. В графе "назначение платежа" нужно указать: <Подписка на газету "Точка Ру">, а также точный адрес получателя. Также можно скачать квитанцию со всеми заполненными реквизитами на сайте редакции orossii.ru.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 909 945 8974, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

**Газета
«Точка Ру»**

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 4 (40) Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 10.03.2010 в 08.00 по факту 10.03.2010 в 08.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru